

Цзян Чу впервые в жизни готовил рис в глиняном горшочке, и этот процесс довел его до белого каления. Стоя у плиты, он то и дело ловил себя на бешеном желании сорвать крышку и самому сигануть в кипящее месиво, лишь бы побыстрее с этим кончить.

— За этой хренью надо постоянно следить? — сложив руки на груди, он подпирал плечом холодильник и кричал в сторону гостиной, где устроился Цинь Цзуй.

Цинь Цзуй лежал на диване, краем уха слушая бубнящий телевизор и листая телефон. Гао Ся прислал ему короткое видео: их классный руководитель, Хай Дапан, с убийственно серьезным видом навалился на трибуну и читал лекцию о безопасности в Средней школе №27.

Не успел ролик доиграть, как от Гао Ся прилетело сообщение:

«Ты че, пока гипс не снимут, в школу вообще не придешь?»

— Как запахнет вкусным, выключай огонь и заливай соусом! — крикнул в ответ Цинь Цзуй, одновременно набирая сообщение для Гао Ся: «Да ладно тебе, не настолько все плохо. Пару дней отлежусь и вернусь».

— Ага, разбежался, вкусным! Воняет так, будто там подошва горит! — снова донеслось из кухни. — Заливать вот этой черной жижей? Что это вообще за варево, почему оно пенится? Ты туда устричного соуса набодяжил, что ли?

Гао Ся: «Ну и ладно. Без тебя тут вообще тоска смертная».

Гао Ся: «И дня не прошло, а Лу Яо уже строит планы, как заявиться к тебе с визитом».

— Да, этой, — вздохнул Цинь Цзуй. Отбросив телефон на подушки, он со стоном поднялся, чтобы лично проконтролировать процесс на кухне.

Перед тем как отложить мобильник, он быстро настучал ответ для Гао Ся: «Останови ее любой ценой».

В четыре руки они кое-как стащили горшочек с плиты. Но даже при том, что под конец Цинь Цзуй взял командование на себя, кулинарный шедевр выглядел, мягко говоря, уныло.

Слой присохшего к доньшку риса вымахал толщиной с палец, и теперь его приходилось яростно отскабливать, пытаясь отделить обуглившуюся черную корку от съедобной части.

— Я же говорил — надо было заказать доставку, — Цзян Чу уныло потыкал палочкой каменистую корку на дне. — Смотри, какая броня. Толстая, прямо как кожа на роже у Да Бэня.

— Нормально получился, — Цинь Цзуй отправил в рот кусочек. Вышло действительно лучше, чем он ожидал.

В конце концов, все ингредиенты и заправку он смешал сам еще заранее. Если не придирается к легкому привкусу гари, осевшему на языке, есть это было вполне можно.

— Ладно, пожую что есть, а вечером я притащу из ресторана чего-нибудь нормального, — Цзян Чу достал из холодильника и открыл две бутылочки соевого молока Вита.

— Тебе в офис надо? — спросил Цинь Цзуй.

— Угу, впереди еще половина рабочего дня, — Цзян Чу разблокировал экран телефона и быстро заскользил пальцами по клавиатуре. — Давай я тебе сразу освобождение на неделю оформлю. Отлежись дома как следует. Потянешься сейчас в школу — не дай бог опять кто-нибудь толкнет или на ногу наступит. Оно нам надо?

— Давай, — спорить Цинь Цзуй не стал. Программу десятого класса он в свое время изучил от и до, так что пара пропущенных дней на успеваемости никак не скажется.

Уже на пороге, накинув куртку, Цзян Чу еще минут пять подпирал косяк, засыпая парня ценными указаниями: без надобности не шастать, побольше лежать, если надоест — палиться в телевизор, и упаси бог хоть обо что-то задеть больной ногой.

Он даже успел захлопнуть за собой дверь, но секундой позже влетел обратно, чтобы безжалостно конфисковать все найденные в квартире сигаретные пачки.

Вся эта история не на шутку его встревожила. Едва добравшись до офиса, он открыл ноутбук и с головой ушел в чтение медицинских форумов по запросу «вывих сустава».

«Осложнения после вывиха», «последствия травмы голеностопа», «привычный вывих»... Под конец от обилия жутких терминов у него поползли мурашки. Выругавшись, Цзян Чу с силой захлопнул крышку и устало откинулся на спинку кресла.

— Давай, читай дальше, — раздался с противоположной стороны стола голос Да Бэня. Тот даже головы от бумаг не поднял. — Еще полчаса погуглишь — и твоему мелкому можно будет смело ногу ампутировать.

— М-да, лечиться по интернету — гиблое дело. Волосы дыбом встают, — хмыкнул Цзян Чу.

— Ой, да ладно тебе панику наводить, — Да Бэнь с пулеметной скоростью застучал по клавишам. — Вспомни школьные годы: когда Фан Цзы сломал бедро и притащился на уроки, ты его костыль отобрал и полдня с ним в войнушку играл.

— Тоже мне, сравнил, — Цзян Чу лениво крутанул колесико мыши. — У Фан Цзы тогда всего лишь костыль отобрали. А у Цинь Цзуя — серьезный вывих.

Клавиши под пальцами Да Бэня замерли. Он медленно поднял голову и уставился на друга круглыми глазами.

— «Подумаешь, ты лишился ноги! Он-то потерял любовь!» — продекламировал он с пафосом, явно обалдев от такой неприкрытой, слепой заботы.

— Да ладно тебе, это же голеностоп, — рассмеялся Цзян Чу, заметив, как у друга от возмущения полезли на лоб брови. — Это тебе не плечо, суставы на ногах куда капризнее. Я тут наткнулся на историю одного бедолаги: он в первый раз вывихнул руку, не долечил и сразу полез махать кулаками. В итоге заработал привычный вывих. Пишет, ложится спать — все нормально, а утром просыпается — рука рядышком на подушке лежит, отдельно от тела. Мужик за пару лет так наловчился, что сам себе суставы на место вправляет лучше любого хирурга.

— Ну, тогда скажи мелкому, пусть будет аккуратнее, — хохотнул Да Бэнь. — И главное — пусть на ходу больше не засыпает, а то мало ли что отвалится.

Он качнулся на офисном стуле и уже серьезнее добавил:

— Хотя, честно говоря, не думал я, что ты так будешь с ним носиться. Нет, ты и раньше о нем заботился, но чтобы до такой степени... Прямо чудеса гиперопеки.

— Вот когда у моего шурина в драке зуб выбили, Бао Ли так хохотала, что бедный пацан аж разрыдался от обиды, — хмыкнул Да Бэнь. — А ты своего пылинки сдуваешь, ухаживаешь как за хрустальным. Кто не знает, решит, что ты себе сына родил и теперь не знаешь, куда целовать.

— Да я и сам чувствую, что плавно превращаюсь в сумасшедшего папашу, — вздохнул Цзян Чу. — Но пойми, в его положении, если я не буду о нем заботиться, больше вообще некому. Всем на него плевать.

Перед глазами всплыл полуденный разговор с Цинь Шумань. Интересно, соизволила она хотя бы написать сыну или так и забила?

После ухода Цзян Чу на работу Цинь Цзуй завалился спать.

Сначала он даже не думал ложиться в постель — просто прикрыл глаза на диване под бормотание телевизора. Он с детства любил засыпать под какой-нибудь фоновый шум: фильмы, дурацкие ток-шоу, новости — неважно. Когда вокруг что-то бубнило, на душе становилось спокойнее.

Цзян Чу перед уходом пытался согнать его в спальню, но парень уперся — на диване было удобнее устроить загипсованную ногу на мягком подлокотнике. Тогда Цзян Чу молча ушел в свою комнату и вернулся с легким пледом.

Это был тот самый пушистый плед, под которым Цинь Цзуй спал в прошлый раз на его кровати. Цзян Чу тогда не стал убирать его обратно в шкаф, так и оставил лежать поверх покрывала.

Цинь Цзуй осторожно повернулся на бок, подтягивая мягкую ткань к подбородку. От нее все еще едва уловимо пахло Цзян Чу.

Запах Цзян Чу?

Он приоткрыл глаза и уткнулся носом глубже в ворс, втягивая воздух. Объективно говоря, никакого особенного аромата там быть не могло.

Они пользовались одним и тем же шампунем, мылом и зубной пастой, стирали вещи общим порошком, а постельное белье пропитывалось ароматом одного и того же диффузора из ванной комнаты. После стирки в одной машинке его собственные простыни должны были пахнуть абсолютно так же.

Но Цинь Цзуй не мог отделаться от ощущения, что этот едва уловимый, не поддающийся описанию шлейф принадлежал исключительно Цзян Чу. И он определенно существовал. И этот запах странно волновал, не давая покоя.

Полежав так еще немного, Цинь Цзуй повернул голову в сторону полуоткрытой двери спальни Цзян Чу. По пути его взгляд пересекся с Чжоу Тэном, который величественно восседал прямо по центру журнального столика.

— Пойду прилягу на его кровать, — прошептал Цинь Цзуй. Кое-как поднявшись и опершись на костыль, он сгреб плед в охапку и шутливо погрозил Чжоу Тэну пальцем: — А ты помалкивай. Молчок, понял?

Чжоу Тэн лишь лениво вильнул хвостом в ответ.

Как показала практика, конспиратор из товарища Чжоу Тэна вышел паршивый.

Часа через три Цзян Чу вернулся домой пораньше, шурша бумажным пакетом с упаковками кальция и контейнером горячего свежесваренного супа.

Зимой сумерки сгущаются быстро. В гостиной царил полумрак, рассекаемый лишь синеватым мерцанием экрана. На диване никого не оказалось. Цзян Чу заглянул в спальню парня, проверил ванную — пусто.

Решив, что этот упрямец ускакал куда-то на костылях, он нахмурился и строго спросил у Чжоу Тэна:

— И где этот калека?

Только задав вопрос, он сообразил, что проверил не все. Шагнув к собственной спальне, он приоткрыл дверь — Цинь Цзуй безмятежно спал на его кровати, зарывшись лицом в подушку. И плевать ему было на шум шагов, щелканье замков и вспыхнувший в коридоре свет — парень даже ухом не повел.

«И чего тебя ко мне принесло?» — улыбнувшись, шепотом пробормотал Цзян Чу. Он осторожно, стараясь не шуметь, прикрыл дверь и отправился на кухню разогревать ужин.

Чжоу Тэн покрутился у изножья кровати, повиливая задом, и уже напряжился для прыжка, собираясь запрыгнуть прямо на спящего парня, но Цзян Чу вовремя перехватил его за шкирку и бесцеремонно выставил за дверь.

Цинь Цзуй и сам не ожидал, что проспит без задних ног до самого возвращения брата. Ему казалось, он прилег всего на пару минут. Когда Цзян Чу легонько похлопал его по щеке, будя, Цинь Цзуй долго не мог сообразить, где находится. Он сонно сощурился, с трудом фокусируя взгляд на лице брата, и хрипло спросил:

— Ты чего так рано?

— А то! Если бы не пришел, ты бы тут до утра дрых? — рассмеялся Цзян Чу. — Ну ты даешь. Я ведь перед уходом чуть не на коленях умолял тебя лечь нормально на кровать — ни в какую. А стоило мне за порог — тихой сапой приполз сюда.

Цинь Цзуй нехотя сел, опираясь на локти. От таких беззастенчивых поддразниваний он лишь молча отвел взгляд, чувствуя легкую неловкость.

— Давай, подъем, ужинать пора, — Цзян Чу подошел к краю кровати, откинул плед и критически осмотрел его загипсованную конечность, после чего протянул руку, помогая парню подняться. — Ты и так всю вторую половину дня провалялся. Едва ли ночью уснешь, если сейчас не встанешь.

Они уже двинулись к выходу, как вдруг Цзян Чу резко затормозил у двери, подозрительно оглянувшись на постель и приподняв угол покрывала:

— Слушай... ты тут на моей кровати ничем неприличным не занимался, пока спал?

— Да ну тебя! — Цинь Цзуй вспыхнул от возмущения и, даже не глядя на него, сердито попрыгал на одной ноге в сторону гостиной, яростно стуча костылем.

На ужин был наваристый рисовый суп со свиными ребрышками и сочные жареные лепешки с мясом, которые Цзян Чу прихватил по дороге. Пахло изумительно. Цзян Чу сам с аппетитом уплел огромную порцию.

— Ладно, завтра я сам на рынок забегу, куплю хороших ребрышек на суп, — размышлял вслух Цзян Чу, ковыряя ложкой в тарелке. — Или лучше взять хороших мозговых косточек для навару? Говорят, для суставов полезно.

— Без разницы, — безучастно отозвался Цинь Цзуй. — Все равно готовить их придется мне.

Цзян Чу усмехнулся и молча переложил ему в тарелку еще парочку самых мясных ребрышек из своей порции.

Оставленный на журнальном столике мобильник Цинь Цзуй дважды завибрировал. Парень потянулся к нему, а Цзян Чу заметил:

— Он и до этого жужжал без остановки. Наверное, кто-то звонил.

— Это Гао Ся, — Цинь Цзуй разблокировал экран. Одноклассник скинул ему фотографии конспектов с доски и парочку тестов.

Следом висела целая пачка сообщений от Лу Яо и Ду Мяомяо — оба наперебой расспрашивали о его самочувствии.

— Мать-то твоя звонила? — невзначай спросил Цзян Чу.

— Нет, — Цинь Цзуй мельком глянул список пропущенных и равнодушно отложил телефон.

Цзян Чу мысленно выругался в адрес его мамы и в знак безмолвной поддержки подкинул парню еще кусок мяса.

Когда с ужином было покончено, а посуда отправлена в раковину, Цзян Чу застыл посреди гостиной, разглядывая младшего. Тот ответил ему столь же выразительным взглядом.

— Тебе ногу компрессом обложить, что ли? — он подошел ближе и легонько постучал по белому гипсу. — Как ощущения? Сильно болит?

— Распирает, — прислушался к себе Цинь Цзуй. Острая боль, похоже, уже притупилась, сменившись тяжелым чувством давления изнутри и противным зудом под гипсом.

— Сейчас принесу холод, — Цзян Чу отправился к морозилке за гелевым пакетом, который купил еще днем. — Мыться тебе в ближайшие дни противопоказано, так что готовься благоухать на весь дом.

Цинь Цзуй поморщился. О таких вещах лучше вообще не думать — пока не озвучишь, вроде и не замечаешь, но стоит кому-то пошутить, как сразу начинаешь чувствовать себя невымытым бродягой.

Психосоматика сработала мгновенно: до этого нога зудела вполне терпимо, но после фразы «благоухать на весь дом» кожу под твердой коркой гипса задрало так, хоть вой.

Вернувшись с полотенцем и ледяным компрессом, Цзян Чу застал картину, как Цинь Цзуй отчаянно пытается просунуть пальцы под край гипса. Он тут же шлепнул его по руке:

— А ну не лезь туда! Еще занесешь заразу какую-нибудь, расчешешь до крови. Потерпи, не майся дурью.

Он примостился на диване рядом с парнем и принялся вертеть ледяной пакет то так, то эдак, пытаясь пристроить его поудобнее, но все выходило как-то криво. В конце концов он плюнул на условности, развернулся боком, подогнул под себя одну ногу, а травмированную конечность Цинь Цзуй бесцеремонно водрузил себе на колени, предварительно подложив мягкое полотенце. Только после этого он бережно прижал холод к опухшему суставу.

Они замерли над этой конструкцией с таким серьезным видом, словно проводили сложнейшую хирургическую операцию. Спустя пару минут Цзян Чу, затаив дыхание, заговорщицки прошептал:

— Ну как? Чувствуешь что-нибудь?

— Вроде... холодеет? — Цинь Цзуй невольно перешел на такой же таинственный полупшепот.

— Да чего ты шепчешь-то, кого напугать боишься? — прыснул Цзян Чу.

Цинь Цзуй тоже не сдержал слабой улыбки. Прохлада действительно потихоньку пробивалась сквозь бинты, но, честно говоря, все мысли парня сейчас были заняты совершенно другим.

Цзян Чу, судя по всему, успел сходить в душ и переодеться, пока он спал. У него вообще имелся такой бзик — Цинь Цзуй подметил это еще тогда, когда они ездили в больницу из-за аллергии. Цзян Чу просто физически не мог находиться в уличной одежде после подобных заведений: влетал в квартиру, моментально все с себя сбрасывал и лез под воду, словно на него в больничных коридорах осели тонны невидимой заразы.

В обед из-за всей этой суматохи с травмой и готовкой ему было не до того, и, должно быть, Цзян Чу всю вторую половину дня на работе изнывал от дискомфорта. А теперь еще и он сам, весь в пыльном гипсе и бинтах, развалился на его чистой постели. Для такого чистюли, как Цзян Чу, это наверняка было суровым испытанием.

Цинь Цзуй мысленно решил, что если брат вздумает затеять стирку постельного белья, то он просто уступит ему свою комнату на эту ночь.

Размышляя об этом, он скользнул взглядом по шее Цзян Чу. Тот как раз наклонился ниже, поправляя съезжающий компресс, и из глубокого выреза домашней футболки показались острые очертания ключиц. В памяти Цинь Цзуй снова отчетливо вспыхнул тот едва уловимый, дразнящий аромат, который он вдыхал днем, уткнувшись в плед.

После душа от Цзян Чу веяло каким-то особенным, чистым теплом.

«Если бы я сейчас уткнулся ему в шею...» — шальная мысль промелькнула в голове прежде, чем он успел ее остановить. Пахнуть там должно было просто невероятно.

Впрочем, помечтать ему не дали. Цзян Чу поднял голову, собираясь что-то сказать, и Цинь Цзуй поспешно отвел глаза, чтобы не выдать себя.

Правда, взгляд его сместился не совсем туда, куда следовало. Дома Цзян Чу обычно расхаживал в одних коротких шортах, и хотя с наступлением холодов он натянул свободную футболку, его домашние спортивные штаны сидели на бедрах слишком свободно. Сейчас, когда Цзян Чу сидел, подогнув ногу под себя, ткань натянулась, а широкая штанина предательски сползла. С ракурса Цинь Цзуй открывался такой вид, что, казалось, можно разглядеть абсолютно все подробности. Подобная дразнящая недосказанность заводила воображение куда сильнее, чем если бы перед ним предстали во всей нагой красе.

Упершись локтем в спинку дивана, Цинь Цзуй прижал пальцы к виску, пытаясь унять непрошенные мысли, и демонстративно уставился в экран телевизора.

— Эй, подай мне ту диванную подушку, — Цзян Чу щелкнул пальцами перед лицом парня, указывая на мягкий валик у него под боком.

— Зачем? — Цинь Цзуй неохотно повернулся к нему.

— Под ногу тебе подложу, — Цзян Чу осторожно придерживал компресс, собираясь приподнять его щиколотку.

— Тебе куда-то надо? — Цинь Цзуй не пошевелился.

— Да нет, — растерялся Цзян Чу. — Но не могу же я вечно держать ее на коленях. Нога у тебя, между прочим, тяжеленная.

Цинь Цзуй пристально посмотрел ему в глаза. Не делая ни малейшей попытки убрать ногу, он снова отвернулся к телевизору и ровным голосом произнес:

— Подержи еще немного.

<http://bllate.org/book/18398/1868356>